

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

ЕГОР ГАЙДАР возглавлял первое российское правительство, которое называли правительством камикадзе. И ошибались. Все живы и неплохо себя чувствуют.

В ноябре 91-го бывший научный работник и редактор отдела экономики органа ЦК КПСС газеты «Правды» Егор Гайдар занял цеховский (не генсекский) кабинет на Старой площади — без излишеств, с портретом Ленина. Под этим портретом глава первого правительства новой России и работал. Приехавшие к Гайдару Джеффри Сакс и Рудигер Дорнбуш попытались Ленина снять. Ничего не вышло: портрет был прибит намертво. Но реформы все равно начались.

Первые из них провел Егор Гайдар, начав с самоубийственного — освобождения цен. Далее следовали отмена государственной монополии внешней торговли, введение внутренней конвертируемости рубля, первые опыты приватизации... Он продержался во главе кабинета всего год и вот уже одиннадцать лет отвечает за содеянное.

Знал, на что шел. «Первое посткоммунистическое правительство всегда быстро уходит. Это медицинский факт. Ничего страшного тут нет. За освобождение экономики надо платить политическую цену» (Егор Гайдар, 12 января 1992 года).

За освобождение экономики свою цену заплатил каждый. Но не каждый признал ее справедливой. Теперь у российских граждан старше тридцати к Гайдару свой счет. В этой груп-

— Не задевают. Помните, как Шурик в «Кавказской пленнице» спрашивает: «А церковь тоже я разрушил?»

— Ему отвечают: «Нет, ее разрушили до вас, в XIV веке».

— К тому времени, как я возглавил правительство, я точно знал, что Россию разграбили до меня. Если бы тогда резервы Центробанка СССР, как сегодня резер-

— Меня это не волнует.

— Периодически объявляют, что в окружении президента обостряется борьба между силовиками и либералами. И это не волнует?

— Не люблю обсуждать вещи, в которых не являюсь экспертом. В вопросах валютного курса я таким себя считаю, а кто кого подписывает в Кремле — нет. У меня есть

Все правильно: выживший камикадзе должен быть осторожен.

В 93-м Егор Гайдар пошел на думские выборы, возглавив «Выбор России», и привел его к победе. 15,8 процента голосов — таких результатов у правых в новой России ни до, ни после не было. В 99-м они, объединив несколько движений, набрали всего лишь 8,6 процента. На выборах 2003-го им обещают меньше пяти.

— Это сказывается на отношениях?

— Сказывалось бы, если бы у меня были комплексы. У меня их нет.

— Вы принципиально не пошли в бизнес?

— Я не мог себе этого позволить.

— Не могли?

— Даже если все свои деньги от занятия бизнесом я заработал бы честным трудом и заплатил с них все налоги, Гайдар, заработавший десятки миллионов, всегда был бы укором демократии.

— Для вас было важно, каким вы останетесь в истории?

— Для меня было важно, как я сам себя буду чувствовать и как себя будут чувствовать мои дети.

— Считается, что в СПС есть два крыла: пропутинское — вы и Чубайс и оппозиционное — Немцов и Хакамада.

— СПС — демократическая партия, и у нас идут внутренние дискуссии по принципиальным вопросам. В том числе по отношению к президенту Путину. Позиция каждого из нас имеет определенные нюансы. Плюс поправка на темперамент. Но по сути мы едины. Когда позиция Путина соответствует нашим программным установкам, мы ее поддерживаем. Когда нет, не поддерживаем.

С 96-го года Егор Гайдар участвовал в попытках объединить своих политических единомышленников с партией Явлинского. Эти попытки ни разу не привели к усилению правого фронта. Наша цель — как

Людмила Телень

Выживший камикадзе

вы ЦБ России, составляли 52 миллиарда долларов, коммунисты никогда не отдали бы власть. Они ее отдали, потому что резервы составляли ноль. Они не знали, чем платить долги и как кормить людей. У меня есть глубокое убеждение: то, что мы делали, было правильно. Я понимаю логику своих политических противников, которые хотят взвалить на меня их ответственность, но не могу по этому поводу переживать.

— А как к разговорам об антинародном правительстве Гайдара — Чубайса относятся ваши дети?

— Все по-разному, у меня много детей.

определенная сфера деятельности — формирование экономической политики и проведение структурных реформ.

— Но в этой сфере точно так же имеет значение взаимодействие конкретных персонажей, в том числе неформальное.

— Да, и я знаю, кто с кем в каких отношениях в Министерстве финансов, в Центробанке, в аппарате правительства. Знаю, что надо сделать, чтобы провести то решение, которое мне кажется разумным. И что, наоборот, сделать для того, чтобы не допустить решения, которое мне кажется рискованным.

— И есть определенные рычаги давления?

— Чаще всего простейший — убеждение. С помощью цифр, аргументов, законопроектов...

Я понимаю логику своих политических противников, которые хотят взвалить на

не число его оппонентов — константа. Как, впрочем, и число его сторонников. Никто никого никогда не переубедит.

...Вслед за Гайдаром из правительства намеревалась уйти вся команда. Но он попросил их остаться. Они остались. Некоторые надолго.

— Вы утверждали, что подбিরали свою команду, я цитирую, «не только по одинаковому пониманию логики макроэкономических реформ», но и по личной порядочности. Не все, кажется, оправдали ваши ожидания.

— Не все, но многие. У меня были ошибки из-за наивности, присущей интеллигентскому сознанию 90-х.

— Что вы имеете в виду?

— Считалось, если человек умный, образованный, талантливый, то само собой разумеется, что он при этом и честный. В большинстве случаев, кстати, так и бывает. Но не всегда.

— Были люди, с которыми вам по этой причине пришлось порвать отношения?

— Да.

— Из вашей команды?

— В том числе.

— Это было болезненно для вас?

— Крайне. Но посмотрите, было десятка три тех, кто определял в начале 90-х экономическую политику России. Большой части этих людей я и сегодня с удовольствием пожу руку.

— Вспомните и других, замешанных в громких коррупционных скандалах.

— Если взять 50 крупнейших скандалов такого рода и посмотреть на их участников, людей из нашей команды, даже в широком смысле, там окажется очень немного.

— Попробуйте объяснить это обывателю.

— Зачем? Мы начали реформу и тем самым приняли на себя ответственность. После этого любое воровство какого-нибудь проходимца, возглавлявшего, к примеру, рыбную отрасль, будут связывать с антинародным курсом Гайдара — Чубайса.

— Насколько вас задевают разговоры о том, что Гайдар и его команда разграбили Россию?

Меня их ответственность, но не могу по этому поводу переживать.

— Они не обсуждали с вами эту тему?

— Нет.

— Как вы думаете, почему?

— Это их травмирует.

Гайдару было тридцать пять, когда он достиг вершины российской политики, и тридцать шесть, когда он ее оставил. С тех пор он занимает особую нишу. Возглавив избирательный блок «Выбор России», а позже став сопредседателем «Союза правых сил», он единственный из партийных лидеров ни при каких обстоятельствах не может рассчитывать на место президента. И на место премьера не может. У него должность — Гайдар, и совместительство тут невозможно.

— В 91-м вы говорили, что в любой момент готовы уйти из политики и вернуться в науку. Момент так и не наступил?

— Отчасти я это сделал.

— Но не порвали с политикой. Это наркотик?

— Всего лишь важный инструмент реализации того, над чем работает наш институт. То, что я авторитетный член Бюджетного комитета Думы, увеличивает эффективность работы нашего института. Именно поэтому я после долгих колебаний согласился стать депутатом в 99-м.

— Тогда же, в 91-м, вы надеялись, что никогда не придется заниматься политиканством. Но, похоже, пришлось.

— Не очень. Я занимался публичной политикой до тех пор, пока это было неизбежно, и ушел из нее, когда это стало возможно.

— Почему?

— Не хочу ею заниматься. Своих политических друзей и единомышленников поддерживать готов, но не считаю это призванием жизни.

— Политиканство — атрибут не только публичной, но и теневой политики. А ею вы занимаетесь. Значит, обязаны вникать, как Волошин относится к Иванову, Иванов — к Суркову и далее по списку...

— И вы не берете в расчет взаимоотношения между разными группировками?

— Беру. Если тебя интересуют не декларации, а практическое проведение реформ, приходится принимать в расчет множество факторов, которые влияют на принятие решений. Хотите пример?

— Хочу.

— Я довольно активно участвую в борьбе за военную реформу и переход к контрактной армии. Знаете, что существенно влияет на позицию чиновников?

— Есть ли у них в семье мальчики?

— Точно.

— Вы взяли в качестве примера невинный фактор. Но в основном на принятие решений влияют другие: возможности того или иного лобби, интересы конкретной финансово-промышленной группы.

— Согласен. Но я никогда не отстаивал подобные интересы, поэтому могу себе позволить не брать их в расчет.

— Вообще?

— Если за тем или иным решением стоят интересы крупной отрасли, конечно, приходится их учитывать. Но это элемент политического процесса.

Я занимался публичной политикой до тех пор, пока это было неизбежно, и ушел из нее, когда это стало возможно.

— Допустим, вы пробивали решение о введении 13-процентного подоходного налога. На какие компромиссы пришлось пойти?

— Они, к счастью, оказались полезными.

— Не хотите говорить?

— Моя способность проводить те или иные решения уменьшится, если я стану публично обсуждать детали тех или иных компромиссов.

— Наши отношения с крупным российским капиталом Борис Немцов выстроил грамотно. Например, один из принципов: мы никогда не ввязываемся в их разборки, никогда не лоббируем конкретные интересы.

— Какой же тогда им от вас прок?

— Мы отстаиваем принципы, которые полезны для России и, следовательно, для российского бизнеса. К примеру, то, что мы сделали в области налоговой реформы, увеличило капитализацию российских нефтяных компаний на энное количество миллиардов долларов. К счастью, их руководство это хорошо понимает.

— Поэтому одна из них финансирует «Яблоко»?

— Эти люди никогда не кладут яйца в одну корзину.

— Как вы сами относитесь к богатству?

— Я знаю, что богатство само по себе еще не счастье. Я занимаюсь крайне интересной работой и никогда не променял бы ее на большое состояние. Есть люди, которым важно иметь много денег. Для меня деньги не главное.

— Правительство Гайдара состояло из старших, а то и младших научных сотрудников, равных по материальному уровню. Это быстро изменилось.

— У кого-то появились серьезные состояния, у большинства — нет.

фланга. Чаще наоборот, как и в начале этого года. Тогда СПС предложил «Яблоку» единый список на парламентских выборах с первой тройкой Немцов — Явлинский — Хакамада, а также единого кандидата на президентских — Явлинского. При этом утверждалось, что Гайдар и Чубайс готовы уйти из сопредседателей СПС.

— Вы действительно были готовы на такую жертву?

— Эта тема не обсуждалась.

— То есть вы не были готовы ее обсуждать?

— Я был бы готов, но

она не обсуждалась.

— План объединения тоже?

— План обсуждался. Немцов по нашему общему согласию вел консультации с Явлинским, начиная с 2000 года. Тогда «Яблоко» провалилось на выборах, и большая часть депутатов этой фракции выступала за объединение. Я понимал, что у нас с «Яблоком» разная история, разные избиратели, но создание единой правоцентристской партии было бы серьезным и позитивным событием для России. Поэтому мы должны сделать все возможное для этого. Помните, что говорилось в клятве арагонских королей? «Мы, бароны Арагона, которые сильнее тебя, поставили тебя королем над нами. Если нет, то нет». Я считаю, что мы должны дойти до точки, когда можно будет сказать: если нет, то нет.

— У вас с Явлинским тяжелые отношения. Так сложилось или есть какое-то более конкретное объяснение?

— У нас нормальные личные отношения. Мы с ним знакомы с осени 88-го, в неформальной обстановке спокойно общаемся. Другое дело, что у нас есть собственная история, есть логика интересов тех партий, в которых мы состоим, и это определяет наши политические отношения.

«Московские новости»

(Печатается в сокращении. Полный текст интервью можно прочитать также на сайтах www.iet.ru, www.gaidar.org)